

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ДНЯ

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

© 2008 г. Ю. С. Горбунов¹, В. В. Остроухов²,
Л. Н. Башкатов³, А. Е. Беляев⁴, С. И. Изойтко⁵, А. В. Устинков⁶

Система уголовно-правовой охраны безопасности Российской Федерации сложилась в середине 90-х годов прошлого века, когда вступил в силу Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ). Ее элементы настроены на регулирование общественных отношений, очевидных в начальный период становления современной российской государственности. Произошедшее в последнее десятилетие укрепление конституционного строя, обретение государством и обществом стабильного развития потребовали переосмысления уголовно-правовых механизмов и средств обеспечения сохранности государственной тайны, и, собственно, системы составов преступлений, предусмотренных ст. 275, 276, 283 и 284 УК РФ. Свидетельством тому является широкая дискуссия, развернутая в средствах массовой информации⁷, – большой общественный резонанс вызывают уголовные дела в отношении государственных изменников, шпионов и лиц, разгласивших государственную тайну. Пришло время ученым органов безопасности обозначить свою позицию и выработать предложения, направленные на системное совершенствование рассматриваемых предписаний уголовного закона.

С точки зрения технико-юридической конструкции действующего уголовного закона системообразующую роль в уголовно-правовой охране безопасности государства играет ст. 275 УК РФ (государственная измена). Ее применение выявило ряд практических проблем, связанных прежде всего с законодательным отображением форм го-

сударственной измены и соотношением их с ее общим понятием⁸.

Исходя из нынешнего состава и фактического механизма совершения государственной измены, ее суть заключается в содействии гражданину РФ (оказании помощи) иностранному государству или иностранной организации (обычно совместно с их представителями) в деятельности во вред безопасности России, ее основным интересам. Однако действующая редакция ст. 275 УК РФ в должной мере не учитывает юридические особенности форм ее совершения. Такие формы, как шпионаж и выдача государственной тайны оказались напрямую “привязанными” к сущностной характеристике измены, то есть к оказанию помощи внешним силам, действующим против России. Причем, ст. 275 УК РФ определяет измену в ее конечном виде. Для практического же правоприменения необходимо отражение в законе признаков состава преступления применительно к каждой из форм государственной измены. Так, измена в форме шпионажа на этапе собирания сведений имеет усеченный состав, в котором момент юридического окончания преступления перенесен на более ранний этап по сравнению с оказанием помощи адресату⁹.

Значительная трудность связана с использованием в УК законодательного термина “**враждебная деятельность**”¹⁰ в словосочетании: “...иное оказание помощи в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности...”. Это приводит к толкованию проведения враждебной деятельности адресатом в качестве признака со-

¹ Доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ.

² Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

³ Кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ.

⁴ Кандидат юридических наук, доцент.

⁵ Юрист.

⁶ Кандидат юридических наук.

⁷ Наибольшую остроту дискуссия приобрела не в специализированных, а в популярных изданиях. См., например, регулярную рубрику в “Российской газете” (Росс. газ. 2008. 10 июня).

⁸ На данное обстоятельство нами неоднократно обращалось внимание (см., например: Беляев А.Е. Уголовно-правовая характеристика преступлений, борьба с которыми отнесена к компетенции органов ФСБ России. Научно-практическое пособие. М., 2002. С. 7; Игнатьев А.А. Статьи 275 и 276 УК РФ нуждаются в совершенствовании // Уголовное право. 2002. № 1. С. 26–32).

⁹ Если это противоречие все-таки преодолимо путем толкования со ссылкой на ст. 276 УК, то другие противоречия, которые следуют из буквального изложения ст. 275 УК, остаются проблемными.

¹⁰ Термин “враждебная деятельность” заимствован из УК РСФСР 1961 г., однако в нем он был употреблен в ином контексте.

става всех форм государственной измены. В результате этого к шпионажу, совершаемому гражданами РФ, уголовным законом необоснованно предъявляются дополнительные требования по сравнению со шпионажем со стороны иностранцев¹¹.

Но, во-первых, враждебная деятельность – это оценочное понятие, не раскрытое в законодательстве и, следовательно, не имеющее четких юридических признаков.

Во-вторых, этимологически это понятие связано с войной или вооруженным конфликтом. Если в военное время, поскольку действует военный противник (враг), понятие враждебности является очевидным, то в мирное время его трактовка порождает трудности¹². Здесь следует иметь в виду и трансформацию типичной мотивации совершения государственной измены. Ранее нередко гражданин шел на совершение государственной измены по идеологическим соображениям, то есть из враждебных побуждений, например, желая ослабить советскую власть. В настоящее время у изменников превалирует корыстная мотивация. “Помощь” иностранцам стала “работой”, а получаемые от них деньги – “заработной платой”.

В-третьих, применительно к мирному времени и в отличие от оценки деятельности физических лиц официально-юридически признавать деятельность иностранных государств и организаций враждебной на уровне национального правоприменения представляется не совсем корректным. Это в основе своей – вопрос политический, так как имеет политическую составляющую в оценке характера деятельности. И, строго говоря, для его решения логично было бы иметь соответствующий механизм или, как минимум, правовые критерии, поскольку речь идет о политико-юридическом признании враждебной (хотя бы в какой-то части) деятельности конкретного иностранного государства или

конкретной иностранной организации, в том числе – международной¹³.

Вместе с тем, смысловая “привязка” шпионажа и выдачи государственной тайны к оказанию помощи в проведении враждебной деятельности при толковании ст. 275 УК РФ становится неоднозначной в сопоставлении со ст. 276 УК РФ. То есть, с учетом систематического толкования, существует возможность и иного понимания составов шпионажа и выдачи – без указанной “привязки” (как это было в прежнем уголовном кодексе, а также согласно первому проекту нового УК РФ¹⁴). Однако возможность двоякого толкования, в конечном счете, – не выход, а дополнительная проблема для практики, причем, по коренному юридическому вопросу – о квалификации деяния, то есть о конкретном основании уголовной ответственности. Требуется законотворческое реагирование со стороны государства на обозначенную проблему.

Следует также обратить внимание на то, что **практически не доходит до суда такая форма измены, как иное оказание помощи адресату.** Эта форма выражена в УК на существенном уровне, который без конкретизации оказался слишком общим для практики. Но, по-видимому, в меньшей степени сказывается бесспорная в отношении данной формы измены (согласно ст. 275 УК) необходимость установления и доказывания того, что иностранное государство или иностранная организация либо их представитель проводит враждебную деятельность против России.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что отдельные сбои в организационно-правовом механизме реализации уголовной ответственности за государственную измену имеют, наряду с прочим, и уголовно-правовую обусловленность. Статья 275 УК РФ действительно нуждается в существенной корректировке.

Для определения оптимальных путей и способов преодоления законодательных недоработок и обусловленных ими правоприменительных проблем полезно учесть соответствующий законода-

¹¹ Действительно, ст. 276 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность для иностранных граждан и лиц без гражданства, не содержит существенной характеристики шпионской деятельности. Другими словами, в этой статье не указано, что шпионаж – суть проявление оказания помощи в проведении враждебной деятельности.

¹² В мирное время понятие враждебности воспринимается как рудимент идеологического подхода, свойственного уголовным законам советского периода. В этой связи вряд ли можно согласиться с попытками дать понятие “враждебности”, применимое в мирное время (см, например: *Рябчук В.Н.* Государственная измена и шпионаж: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2007. С. 607 и далее).

¹³ В отличие от ситуации во многих зарубежных государствах, использующих понятие враждебной деятельности в своем уголовном законодательстве, российская действительность такова, что при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел о государственной измене приходится сталкиваться с нагнетанием в обществе сомнительного или негативного отношения к конкретному уголовному преследованию, попытками выдать его за преследование по политическим мотивам и т.п. При таких обстоятельствах особенно значимы недвусмысленность и достаточная конкретность формулировок уголовного закона.

¹⁴ См.: *Юридический вестник – Всероссийская правовая газета.* Специальный выпуск с текстом проекта УК РФ. 1992. № 20.

тельный опыт зарубежных стран. Изучение в этих целях законодательного описания государственной измены, включая свойственные ей деяния, по уголовному законодательству 16 зарубежных государств показало как некоторое сходство, так и значительные различия в политико-правовом и юридико-техническом отношениях.

Законодательное отражение рассматриваемого преступления или свойственных ему деяний в соответствующих уголовных кодексах в целом идет *тремя путями*:

Первый. В ряде уголовных кодексов отсутствует понятие государственной измены, а те деяния, которые можно считать ее формами или частными проявлениями, отражены в качестве самостоятельных преступлений. Это уголовные кодексы таких стран, как Бельгия, Норвегия, Япония, Турция, Литва, Корея, Таиланд, Сан-Марино.

Второй. В некоторых уголовных кодексах закреплено понятие измены (под различными названиями), однако круг входящих в нее деяний представлен только такими, которые близки к преступлениям, предусмотренным в ст. 278, 279, 280 УК РФ. Это характерно для уголовных кодексов Австрии, Аргентины, ФРГ, Швейцарии, а также для Закона об уголовном праве Израиля.

Третий. В уголовных кодексах ряда бывших советских республик (Армения, Молдова, Беларусь) в законодательных определениях измены заметно сочетание в том или ином соотношении положений УК РФ с положениями прежнего законодательства.

В целом, изучение иностранного уголовного законодательства относительно положений о государственной измене, позволяет сделать следующие выводы, значимые для совершенствования отечественной нормы о государственной измене:

при всем разнообразии названий и форм этого преступления сущность его чаще всего выражается в содействии гражданина враждебной деятельности внешних сил против своего государства;

уголовные кодексы многих иностранных государств термином “враждебная деятельность” характеризуют изменнические действия в военное время;

во многих уголовных кодексах иностранных государств наказание за государственную измену более суровое, чем в УК РФ¹⁵.

В результате анализа проблем реализации уголовной ответственности за государственную измену, с учетом отечественного и зарубежного за-

конодательного опыта, современных внешних и внутренних реалий жизни России, есть основания предложить направления изменения действующей нормы о государственной измене¹⁶.

1. Исходя из фактического механизма совершения государственной измены, **предлагается дать ее общее понятие, сопряженное с подробным описанием ее конкретных форм с точки зрения признаков их составов. При этом общее понятие измены учитывает относительную самостоятельность ее форм.** Подобная технико-юридическая конструкция статьи, не часто встречающаяся за рубежом¹⁷, более приемлема для правоприменения в российских условиях и более понятна российским гражданам. Поэтому споры продуктивнее сосредоточить на содержательном наполнении этой конструкции.

2. **Непосредственный объект государственной измены** (в рамках видового – см. название гл. 29 УК) **предлагается выразить указанием на основные государственные интересы, закрепленные в Конституции РФ.** Это: суверенитет (ч. 1 ст. 3 и ч. 1 ст. 4 Конституции РФ), неприкосновенность и целостность территории (ч. 3 ст. 4 Конституции РФ), целостность государства (ч. 3 ст. 5, ч. 5 ст. 13 и ч. 1 ст. 82 Конституции РФ), оборона и безопасность РФ (ч. 3 ст. 55 и ч. 1 ст. 59 Конституции РФ). Названный ныне в ст. 275 и 276 УК РФ объект “внешняя безопасность”, не имеет законодательно определенного содержания и отличается от безопасности лишь по источнику угрозы¹⁸. Но в реальности внешние и внутренние угрозы переплетены. Безопасность России – единое понятие. Следовательно, логично считать, что изменнические действия причиняют ущерб безопасности Российской Федерации. Кроме того, поскольку в ст. 275 и 276 УК РФ определены так называемые адресаты этих преступлений (иностранное государство, иностранная организация или их представители), то указание на внешний характер угрозы еще и в объекте – просто излишне. В пра-

¹⁶ В случае изменения редакции данной статьи, казалось бы, уместно уточнить и ее название – “измена государству” (как это сделано, например, в УК Республики Беларусь). Однако название “государственная измена” получило закрепление в Конституции РФ (ст. 93).

¹⁷ Например, во многих иностранных УК шпионаж вынесен за рамки государственной измены, а выдача государственной тайны является квалифицированным видом разглашения государственной тайны. Этим и достигается формальный “отрыв” очевидных форм государственной измены от ее родового определения.

¹⁸ В прошлом он толковался как обобщенный эквивалент вышеуказанных интересов при опасности для них извне. О более широкой трактовке внешней безопасности в качестве объекта государственной измены (в том числе как состояния защищенности государственного и общественного строя от угроз извне). См.: Дьяков С.В. Государственные преступления (Против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 19.

¹⁵ Вопрос о санкции за государственную измену – тема отдельного исследования. Здесь можно лишь обозначить общие направления: снижение нижнего предела наказания, дифференциация видов и размера наказаний в зависимости от тяжести ущерба, признаков специального субъекта.

воприменительных целях гораздо важнее “внутреннее” содержание объекта, то есть входящие в него государственные и общественные интересы, ценности, отношения. Понятие же внешней безопасности представляется целесообразным использовать не в УК РФ, а при толковании нормы и в правоприменительном обороте для сокращенного обозначения указанных в ней объектов.

3. Следует отказаться от вызывающего проблемы и не обусловленного современными реалиями термина “враждебная деятельность”. Альтернативой враждебной деятельности служит направленность деяния российского гражданина и деятельности адресата измены во вред суверенитету, неприкосновенности территории и целостности государства, обороне и безопасности РФ. С учетом устоявшейся определенности одних из перечисленных понятий (объектов) и наличия законодательных дефиниций других (в частности, обороны и безопасности РФ) снимаются отмечавшиеся проблемы доказывания и правоприменения, связанные с термином “враждебная деятельность”.

4. С учетом отечественного и зарубежного законодательного опыта, а также анализа проблем реализации нормы о государственной измене, предлагается оставить без изменений перечень форм измены¹⁹, но более подробно изложить их с точки зрения признаков состава преступления. Единственной формой, не требующей, по нашему мнению, существенной конкретизации, является шпионаж (за исключением уточнения объекта шпионажа, о чем сказано ниже).

Выдачу государственной тайны целесообразно уточнить, используя правовые условия ее разглашения (ст. 283 УК РФ). Если она не была доверена гражданину и стала известна ему не по службе или работе²⁰, то он и не несет юридической

ответственности за ее сохранность. “Выдача” государственной тайны случайным ее обладателем может представлять собой другую форму измены – иное содействие или иное оказание помощи в деятельности, направленной на причинение вреда интересам России²¹. Такое толкование правомерно и при отсутствии предлагаемого уточнения, но без него не исключается другое понимание²².

Наибольшую сложность представляет конкретизация изменнических действий в виде **иного оказания помощи внешним силам, действующим против Российской Федерации**. С 1997 г. (времени вступления в силу УК РФ) не было случаев осуждения за такие действия. В тот же период к уголовной ответственности за подробно описанный в законе шпионаж было привлечено около 40 человек. Как показывает практика, основная проблема здесь не столько в указании на враждебный характер деятельности, сколько в неопределенности содержания иного оказания помощи. Следует обозначить в уголовном законе *два момента*. *Первый* – дать характеристику этой помощи как финансовой, материально-технической, консультационной либо другой. *Второй* – закрепить ее направленность в ущерб суверенитету, территориальной или государственной целостности, обороноспособности либо иным объектам безопасности Российской Федерации, исключив при этом указание на враждебность. Другими словами, предлагается отказаться от оценочно-идеологического понятия, заменив его юридически определенными терминами, составляющими безопасность государства.

Учитывая изложенное, авторы предлагают изложить диспозицию ст. 275 УК РФ в следующей редакции:

“Статья 275. Государственная измена

Государственная измена, то есть деяние, совершенное гражданином Российской Федерации в ущерб безопасности Российской Федерации: шпионаж, выдача государственной тайны, доверенной лицу или ставшей известной ему по службе или работе, а также оказание финансовой, материально-технической, консультационной либо иной помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в деятельности в ущерб суверенитету, территориальной и государственной целостности, обороне или иным интересам безопасности Российской Федерации, – ”.

В случае внесения названных изменений объем диспозиции нормы о государственной измене текстуально, конечно, возрастет. Но объем уго-

¹⁹ Иной подход, присущий зарубежному уголовному праву (и разделяемый проф. А.А. Игнатьевым – см. указ. соч.), предполагает выдачу государственной тайны считать передачей в составе шпионажа, а шпионаж как форму измены “поглотить” самостоятельным составом шпионажа, сделав его субъекта общим.

В технико-юридическом отношении такой подход вполне приемлем. Но возникают вопросы социально-политического характера: тем самым информационная помощь внешним силам, могущая иметь решающее значение, формально получит иную социально-политическую оценку, нежели “физическая” помощь изменника. Это приведет к уравниванию (отождествлению) предательства с разведкой – шпионажа гражданина России против своей страны со шпионажем иностранца в пользу своего государства. А учет указанных обстоятельств, как следствие, из обязательного переносится на усмотрение суда при назначении наказания. Поэтому вопрос о том, насколько оправданным можно считать создание “универсальной” нормы о шпионаже, – это вопрос, прежде всего, уголовной политики.

²⁰ Проблема установления уголовной ответственности за разглашение государственной тайны, полученной в ходе учебы, заслуживает отдельного исследования и в данной статье не обсуждается.

²¹ Эту точку зрения А.Е. Беляев впервые выразил еще 12 лет назад (см.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 492).

²² В практике органов безопасности с середины 50-х годов прошлого века не было случаев привлечения к уголовной ответственности за выдачу государственной тайны лиц, не обладавших ею на законных основаниях.

ловной ответственности за это преступление не расширится, а даже уменьшится, прежде всего, за счет сужения круга лиц, являющихся субъектами выдачи государственной тайны. Немаловажное значение имеет и конкретизация данной нормы, более четкое определение форм государственной измены. Все это, по нашему убеждению, позволит добиться деидеологизации нормы о государственной измене, установить четкие границы преступного, сделать ее более понятной российским гражданам и, в конечном счете, послужит делу демократизации отечественного законодательства.

С учетом системной взаимосвязи норм УК РФ изменение ст. 275 (государственная измена) потребует незначительной корректировки и ст. 276 (шпионаж), а именно уточнения тех интересов, которым причиняет ущерб шпионская деятельность.

Назрел вопрос и о внесении изменений в ст. 283 УК РФ (разглашение государственной тайны). В 1998 г. в ч. 2 ст. 283 УК РФ законодатель добавил слова “по неосторожности”, как это было сделано в ряде статей УК²³. Но по отношению к разглашению государственной тайны сложилась парадоксальная ситуация. *Усиленная уголовная ответственность за причинение тяжких последствий наступает только при неосторожном отношении к ним. Если же виновный желал их наступления или относился к ним безразлично, то усиление уголовной ответственности законом не предусмотрено.* В связи с этим следует иметь в виду кардинальное изменение мотивации совершения разглашения государственной тайны, характеристик личности преступника и свойств предмета преступления, произошедшие в последние десятилетия. Сегодня примерно в половине случаев секретную информацию разглашают сотрудники правоохранительных органов, а содержание информации раскрывает проводимую ими оперативно-розыскную деятельность²⁴. Чаще всего эти сведения предаются огласке из корыстной или иной личной заинтересованности, то есть подразумевается умышленное (обычно – в виде косвенного умысла) отношение к последствиям.

Настоятельно требуется исправить эту ситуацию, предусмотрев как умышленное, так и неосторожное отношение к тяжким последствиям в качестве отягчающего ответственность за разглашении государственной тайны обстоятель-

ства²⁵. Предлагаемое расширение уголовной ответственности в ст. 283 УК РФ касается лишь отягчающего обстоятельства и призвано устранить явно неудачное законодательное решение.

Нуждается в совершенствовании и ст. 284 УК РФ (утрата документов, содержащих государственную тайну). Несмотря на сотни случаев утраты документов, содержащих государственную тайну, в том числе и совершенно секретную информацию, факты привлечения виновных к уголовной ответственности практически отсутствуют. Причина такого положения дел – в неудачной конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 284 УК РФ: одно действие влечет два последствия, причем наступают они последовательно, а отношение к каждому из них неосторожное. На практике приходится доказывать: нарушение лицом правил секретного делопроизводства, в результате которого документ был утрачен; выход документа из владения лица, которому он был доверен; причинную связь между первым и вторым обстоятельством; наступление тяжких последствий в результате выхода документа из владения лица; причинную связь между двумя последними обстоятельствами²⁶. Нетрудно заметить, что в статье предусмотрено два уровня последствий – выход документа из владения лица и наступление тяжких последствий. Такая совокупность подлежащих доказыванию обстоятельств и делает состав утраты трудно доказуемым. Так, для доказывания тяжких последствий необходимо, как правило, установить дальнейшую судьбу документа. Однако, как свидетельствует многолетняя практика, в большинстве своем это было и остается невозможным. При этом, даже если и удастся установить судьбу документа, остается неясным, что следует понимать под тяжкими последствиями и как измерить их тяжесть. Поэтому в диспозиции данной статьи следует конкретизировать тяжкие последствия: ознакомление с государственной тайной иностранных граждан, причинение существенного ущерба и т.д.

Неудачная конструкция нынешней нормы об утрате документов, содержащих государственную тайну, парализует правоприменение, нивелирует профилактические функции уголовного закона и превращает уголовную ответственность секретносителей за вверенные им секреты в фикцию.

В последние годы обозначились новые, в настоящее время не влекущие уголовную ответственность

²³ Федеральный закон “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 25 июня 1998 г. // Собрание законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3012.

²⁴ Нет смысла подробно раскрывать общественную опасность разглашения таких сведений. Здесь налицо угроза безопасности не только государства, но и конкретных лиц. В результате срываются операции по задержанию преступников, создается реальная угроза жизни и здоровью лиц, внедренных по заданию правоохранительных органов в преступную группировку для борьбы с ней и т.п.

²⁵ Авторы в данной работе не обсуждают возможность совершения по неосторожности не квалифицированного разглашения государственной тайны (ч. 1 ст. 283 УК РФ). Законодательных препятствий здесь нет, но практика на протяжении более чем 40 лет полагает разглашение умышленным преступлением.

²⁶ В целом причинная связь здесь едина. Но такая трактовка не облегчает применение нормы.

общественно-опасные посягательства на государственную тайну. Они не охватываются нормами о государственной измене или шпионаже, так как их “заказчиком” или адресатом не является иностранное государство, иностранная организация либо их представитель. Речь идет о “взломе” системы защиты государственной тайны, то есть о завладении государственной тайной фактически преступным способом. Оперативная и следственная практика органов федеральной службы безопасности в последнее десятилетие часто обнаруживает ситуации, когда лица, не имеющие законного доступа к государственной тайне, пытаются различными способами ее получить: похищают или покупают секретные документы и изделия, шантажируют секретносителей или их близких и т.д. Так, в ряде случаев представители коммерческих организаций указанными способами получали сведения, составляющие государственную тайну, в области геологии, геодезии, картографии, топографии, экономики с целью их использования в своей деятельности. Зафиксированы неоднократные случаи подкупа сотрудников правоохранительных органов частными охранными предприятиями и преступными группировками с целью получения от них секретных сведений об оперативно-розыскной деятельности. Все это говорит о том, что в России налицо устойчивый, по сути криминальный, спрос на важнейший государственный ресурс – государственную тайну. Сложилась удивительная ситуация, при которой аналогичные действия в отношении коммерческой тайны являются преступными, а в отношении государственной – нет.

В целях перекрытия новых каналов утечки государственной тайны необходимо ввести уголовную ответственность за вышеназванные деяния. Общественная опасность здесь очевидна. Суть уголовно-правового запрета, определенного через незаконный способ завладения государственной тайной (путем “взлома” системы ее защиты), будет понятна гражданам. Предлагаем дополнить УК РФ новой ст. 283.1, изложив ее название и диспозицию в следующей редакции:

“Статья 283.1. Незаконное завладение государственной тайной

1. Завладение сведениями, составляющими государственную тайну, путем похищения, а равно шантажа, подкупа, угрозы насилием в отношении лица, которому эти сведения доверены или стали известны по службе или работе (при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных статьями 275 и 276 настоящего Кодекса, – ...

2. То же деяние, совершенное с применением насилия, использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, или повлекшее тяжкие последствия, – ”.

Все предложенные изменения представляют собой **эволюционное совершенствование уголовного**

закона в части, касающейся повышения эффективности защиты безопасности государства. Максимальное сохранение преемственности при описании преступлений исключает дестабилизацию правоприменения, как это нередко бывает при кардинальном изменении уголовно-правовых норм. Важно подчеркнуть, что предлагаемые изменения не потребуют пересмотра состоявшихся судебных решений.

При разработке данных предложений учитывалось также, что **правовая, а тем более уголовно-правовая норма должна быть ясной и определенной.** На это обстоятельство неоднократно обращал внимание Конституционный Суд РФ²⁷. В его решениях указано, что общие по содержанию нормы ведут к недостаточной определенности правоприменительной практики. Это чревато возможными нарушениями прав человека со стороны правоохранительных органов. Описание преступных деяний в соответствующей статье УК РФ должно быть таким, чтобы на его основе можно было выдвинуть конкретное и понятное всем обвинение. Это описание должно быть рассчитано на инструментарий уголовного преследования и защиты. Иными словами, преступление так должно быть выражено в УК РФ, чтобы факт его совершения было возможным доказывать или, соответственно, опровергать. Добиться желаемого применительно к статьям УК РФ, защищающим государственную тайну, можно на основе максимальной их конкретизации. Граждане должны четко представлять себе границы дозволенного. Эту позицию не раз высказывала также Парламентская Ассамблея Совета Европы и ее органы²⁸.

В этой связи хотелось бы обратить внимание и на важную роль, которую играет судебная власть в деле конкретизации положений уголовного закона. К сожалению, **за 11 лет действия УК РФ Пленум Верховного Суда России ни разу не издавал разъясняющих постановлений в отношении рассматриваемой категории преступлений.** И это несмотря на тот факт, что, например, большинство уголовных дел о государственной измене вызывают значительный общественный резонанс. Аналогичная ситуация складывалась и во время действия УК РСФСР в период с 1961 по 1996 год. Правоприменительная практика

²⁷ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П “По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А.Шевякова” // Росс. газ. 2001. 6 июня.

²⁸ Парламентская Ассамблея Совета Европы. Recommendation 1792 (2007) “Fair trial issues in criminal cases concerning espionage or divulging state secrets” // Council of Europe (официальный сайт) [Электронный ресурс] <http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta07/erect1792.htm#1>; Парламентская Ассамблея Совета Европы. Report “Fair trial issues in criminal cases concerning espionage or divulging state secrets” // Council of Europe (официальный сайт) [Электронный ресурс] <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/WorkingDocs/Doc06/EDOC11031.htm>.

остро нуждается в таком постановлении. Говоря об этом, мы понимаем, что массив уголовных дел, подлежащих обобщению, по сравнению со многими другими составами преступлений не столь значителен, тем не менее, он есть. Кстати, Общественная палата Российской Федерации неоднократно обращала внимание Верховного Суда РФ на необходимость комментариев к рассматриваемым нормам.

Нашим предложениям, направленным на то, чтобы оптимизировать закон, предшествовало **криминологическое исследование практики защиты государственной тайны посредством применения положений гл. 29 УК РФ**. Именно оно позволило выявить наиболее болезненные точки правоприменения. При этом учитывались современные формы и методы действия иностранных государств и организаций, направленные против безопасности Российской Федерации. Их разведывательная деятельность против России остается стабильно высокой, и нет никаких предпосылок полагать, что в обозримом будущем ее масштабы и интенсивность будут снижаться²⁹. Поэтому Россия имеет право защищаться от такой деятельности, разумеется, посредством уголовного закона.

²⁹ Такой вывод следует также из экспертных оценок основных вероятных тенденций мирового развития, в том числе связанных с неизбежным обострением борьбы за природные ресурсы, государственную и территориальную целостность России в условиях глобализации (см.: Доклад национального разведывательного совета США "Контуры мирового будущего" // Россия и мир в 2020 году. М., 2005. С. 8–10, 13, 18; Шубин А. Россия – 2020. Будущее страны в условиях глобальных перемен // Там же. С. 172, 196–198, 201–203).

Конечно, существенная часть проблем, связанная с совершенствованием уголовного закона в части, касающейся преступлений, посягающих на государственную тайну, кроется в ином законодательстве, в частности, регулирующем обращение государственной тайны³⁰. В настоящее время также **назрела необходимость эволюционного совершенствования Закона РФ "О государственной тайне"**. С позиций доказывания таких преступлений требуется более детальная законодательная регламентация механизма отнесения сведений к государственной тайне, а также методик оценки ущерба, наступающего при распространении тайны. В противном случае будут типичными ситуации, при которых ущерб, например, от выдачи иностранной разведке информации о новейших разработках в военной области специалистами оценивается в миллиарды рублей, а эксперты в рамках уголовного процесса его оценить не могут, ссылаясь на отсутствие методик подсчета.

Наши предложения направлены на дальнейшее развитие действующего уголовного законодательства и, в случае одобрения их законодателем, будут способствовать более эффективной охране государственной тайны и других важнейших интересов государства от преступных посягательств.

³⁰ См., например: Устинков А.В. Государственная тайна как функция государства по отношению к обществу и личности // Право и безопасность. 2004. № 1. С. 67–72.